

Этот налетевший ураган по имени Пэй Минци мертвой хваткой увлек Лэ Уя за собой вглубь задних покоев управы.

Там он с силой швырнул уездного начальника на единственный в комнате стул с мягким судейским тюфяком.

Пэй Минци навис над ним всем телом и без лишних церемоний обрушил прямой допрос:

— В какой именно год, месяц, день и час ты родился? Каковы твои «восемь знаков» судьбы?

Лэ Уя, стиснув зубы от пронзительной боли, принялся растирать ушибленную поясницу:

— Ваш покорный слуга без толку копытит это небо вот уже двадцать пять лет.

Пэй Минци упрямо стоял на своем, не сдавая позиций:

— Мне позарез нужны твои точные знаки бацзы!

Лэ Уя: ...

В эту секунду он всем сердцем пожалел о том, что накануне столь хвастливо и нагло ручался перед Вэньжэнь Юэ, будто в одиночку без труда уладит любые дела.

Он едва заметно повел глазами, а его взгляд наполнился мягким, лукавым блеском. Умышленно пустив в ход привычный шуточный тон, он вознамерился изящно замять эту тему:

— Неужто генерал Пэй столь дотошно выпрашивает мои знаки судьбы ради того, чтобы обменяться со мной брачными картами?

Кто же мог помыслить, что Пэй Минци на эту уловку не клюнет и сурово отрежет:

— Какими еще брачными картами?! А ну прекрати вилять да переводить стрелки на сторонние вехи!

Лэ Уя: ...

Он и думать позабыл, что этот Сяо Фэнхуан с самых юных лет питал лютую неприязнь к зазубриванию канонических книг.

Но даже если парень терпеть не мог учебу, неужто за все эти годы в его доме ни разу не

заводили речей о женитьбе и помолвке, раз он не понял намека?

Узрев, что ситуация окончательно скатилась в нелепый тупик по схеме «ученый встретил грубого солдата», Лэ Уя вмиг посерьезнел, а его лицо заледенело:

— Коли дело не в помолвке, выходит, генерал вознамерился сотворить против меня гнусное колдовство и навести порчу по знакам бацзы?

Стоило слову «колдовство» сорваться с его губ, как лицо Пэй Минци мгновенно потемнело на две доли:

— Ты...

— Нынешним утром генерал уже не раз и не два изволил выказывать крайнее бесчестие и грубость в отношении Вашего слуги! — сурово чеканя слова, оборвал его Лэ Уя. — Пускай чин мой ничтожен, а статус мелок, однако Ваш судья вовсе не лишен остатков благородной гордости, дабы позволять вашему превосходительству раз за разом безнаказанно топтать мое достоинство!

Узрев, что этот хлипкий чинуша не на шутку рассердился и принялся сыпать прямыми, суровыми обвинениями, Пэй Минци наконец мало-помалу пришел в себя.

В его голове засела колючая, острая боль. Его стальной голос и растревоженное сердце первыми дали слабину, угаснув и смягчившись, однако движения по-прежнему оставались властными: он мертвой хваткой уперся руками в подлокотники стула, наглухо зажав Лэ Уя в кольцо:

— Ты... ты до мельчайших подробностей разительно похож на одного моего покойного знакомого...

Лэ Уя выпрямил спину и, не мигая, уставился прямо в его зрачки:

— И на какого же именно знакомого?

— На моего... — вечно прямодушный и лихой вояка Пэй Минци внезапно запнулся, а слова застряли у него в горле: — На моего...

Лэ Уя в глубине души лишь горько и ядовито усмехнулся.

В конце концов, в памяти этого парня он так и остался тем самым человеком, чье имя и статус стыдно озвучить перед миром в приличном обществе...

Пэй Минци со всей дури сокрушительным ударом обрушил кулак на деревянный подлокотник кресла, яростно скрежеща зубами:

— На мою законную супругу! На жену мою!

Лэ Уя: ...

«По всему видать, у тебя на почве армейских походов рассудок окончательно зашел за разум», — опешил он.

Лишь спустя долгую секунду, когда смысл фразы до конца дошел до его сознания, в глубинах его душевного омута медленно, но верно начали расходиться широкие концентрические круги.

Он уныло подумал: «Надо же, а Сяо Фэнхуан-то, оказывается, успел связать себя узами законного брака и обзавелся женой».

В далеком детстве они частенько любили рядышком лежать во дворе столичной усадьбы, увлеченно разглядывая сияющие созвездия.

В бурные юношеские годы они точно так же, обдуваемые свирепыми ветрами пограничных застав, часами сидели подле армейских шатров, устремив взоры к небесам.

В те дни они еще со всей пылкостью строили грандиозные планы на последующие годы.

Бескрайний чернильный небосвод, усыпанный миллиардами искрящихся алмазов, являл их глазам поистине величественное и колоссальное зрелище, точь-в-точь походя на бурлящий поток Великой Серебряной реки.

Лэ Уя, закинув руки за голову вместо подушки, принимался методично, один за другим пересчитывать светящиеся огоньки.

Да вот беда — характер у него от природы был на редкость изменчивым и непоседливым, а потому всякий раз, перешагнув за первую сотню, он неизменно сбивался со счета, путая все цифры под корень.

Тогда он бесцеремонно закидывал ногу на колени Пэй Минци и капризно просил:

— Эй, о чем ты там опять так усердно задумался? А ну выбрось эти думы из головы да подсоби мне сосчитать звезды.

— И за какими такими благами их считать? Висят себе спокойно на поднебесье, от твоих

подсчетов там ни одной лишней крупы не прибавится и ни одна не угаснет.

Лэ Уя упрямо отрезал:

— А мне так хочется, и точка.

Пэй Минци усмехнулся:

— Неужто все вороны от природы так неистово падки на любые сверкающие безделушки, а?

Лэ Уя со всей дури съездил ему пяткой по бедру:

— Считай, кому сказано!

Пэй Минци в ответ лишь со смехом принялся легонько, раз за разом шлепать ладонью его по макушке:

— Одна ворона, две вороны, три вороны...

Лэ Уя ловким маневром перехватил его ладонь и бесцеремонно подсунул чужую теплую кисть себе под голову вместо тюфяка.

Пэй Минци вновь устремил взор к небесам и негромко обронил:

— Матушка сказывала, что едва наш отряд воротится в столицу, она незамедлительно примется подыскивать для меня достойную невесту ради заключения брака.

Лэ Уя от этих слов с досады напрочь перекусил пополам сочную травинку, которую до этого лениво гонял в зубах.

Горьковатый, терпкий сок мгновенно плеснул на язык, разнесшись по рту приятным, освежающим ароматом пограничной степи.

Лэ Уя со всей небрежностью сорвал свежий зеленый стебель, засунул его в уголок губ и самым разгульным, бездельным тоном поинтересовался:

— И из какого же знатного рода происходит сия благородная девица, а?

Пэй Минци пожал плечами:

— Понятия не имею. Матушка велела сперва приехать в усадьбу, дабы я мог не спеша лично с глазу на глаз обговорить и сопоставить варианты.

И в следующую долю секунды, повинувшись какому-то внезапному внутреннему порыву, он резко перевернулся на бок, подпер ладонью щеку и уставился на Лэ Уя в упор:

— Эй, а коли я возьму да и выберу себе в жены девицу, которая лицом и статью будет точь-в-точь походить на тебя, как думаешь, пойдет такое дело, а?

Лэ Уя зажмурил глаза и со всей дури запричитал:

— А ну пошел вон, пошел вон отсюда! Где это видано?! Под всем этим бескрайним небом Поднебесной в каких таких краях ты умудришься отыскать столь безупречного, статного и писаного красавца, как я?!

Мальчик лишь весело улыбнулся и аккуратно, едва ощутимым движением пальца коснулся той самой крошечной родинки у него на губе:

— Мне достаточно, чтобы у моей будущей супруги на лице красовалась точно такая же приметная точка. Выглядит это со стороны как-то...

Лэ Уя тогда эти речи почему-то сильно уязвили и раздосадовали. Он лишь плотнее сомкнул веки, наотрез отказываясь смотреть на друга.

Вот только сколько бы он ни ждал, продолжения той фразы из уст Пэй Минци в ту ночь так и не прозвучало.

Он за целый день знатно вымотался в походах с войском, а потому теперь просто закрыл глаза, дабы в сновидениях со всей дури оттащить Пэй Минци за уши.

И надо же было такому случиться: спустя столько лет его давешние слова сбылись в полной мере, и друг действительно взял в жены человека, который лицом точь-в-точь походил на него самого.

Лэ Уя долго молчал, не находя слов от такого признания, а после с вызовом переспросил:

— И чего же ваше превосходительство желает от меня теперь, а? Неужто заберете меня в свою усадьбу в качестве новой законной супруги?

Пэй Минци оставался истинным воякой. Его мысли двигались исключительно по прямой линии, а потому он начисто проигнорировал всю эту шутливую судейскую брань:

— Я спросил твои знаки бацзы. Спрашиваю здесь я, а значит, ты обязан держать ответ без утайки.

Лэ Уя парировал:

— Понукать людей своей властью, неужто так пристало поступать благородному мужу?

Пэй Минци мертвой хваткой перехватил его за запястье:

— Во-первых, я никогда в жизни не числился благородным мужем, а во-вторых, пускай я и прижму тебя к ногтю своей силой, что ты мне сделаешь, а?

Лэ Уя всей душой желал со всей дури съездить ему сапогом по ребрам, да вот беда — генерал навис над ним всей своей грозной массой. Его широкая ладонь была шершавой и обжигающе горячей. Он едва сжимал пальцы на запястье, но в этом небрежном жесте крылась колоссальная, сокрушительная угроза.

— Год Синьвэй, двадцать пятый день первого лунного месяца, треть яруса тигра, час Инь, — Лэ Уя протяжно вздохнул, умышленно напустив на себя самый унылый и покорный вид. — Что еще ваше превосходительство соизволит выпросить у Вашего слуги?

Лэ Уя прекрасно понимал: начни он сейчас юлить да заикаться, упрямый нрав Пэй Минци разыграется в полную силу, и парень костями ляжет, но докопается до подлинной сути вещей.

А подобная гладкая, со всей невозмутимостью начертанная ложь, напротив, была способна разом развеять любые чужие подозрения.

Да и если верить худшим исходам, начни генерал копать глубже да сличи он эти цифры с уездными свитками, у Лэ Уя всегда останется в запасе целая лавина отговорок. Он вполне сможет заявить, будто официальные записи канцелярии о дне его рождения в силу небрежности прежних писарей разительно расходятся с действительностью, или же сослаться на то, что подлинные знаки судьбы бацзы чиновникам раскрывать не положено по закону: выкрутиться из петли он сумеет без труда.

Пэй Минци приподнял веки и пристально, не мигая, уставился уездному начальнику в глаза.

Поскольку лица их находились вплотную друг к другу, Лэ Уя до мельчайших подробностей узрел, как яркие лучи в чужих зрачках в один миг безвозвратно угасли.

Только что виртуозно состряпавший фальшивые знаки рождения Лэ Уя смиренно опустил взор:

— То, что генерал до глубины души сокрушается о безвременно ушедшей супруге,

устремление, без сомнения, понятное и законное. Однако я молю ваше превосходительство умерить свой буйный нрав, у Вашего слуги от вашей хватки кости уже трещат.

Эти слова наконец отрезвили Пэй Минци, и он стремительным движением разжал пальцы.

На белой коже запястья, где только что красовались его пальцы, багровым кругом расплылся четкий след.

Офицер отступил на шаг назад, искренне недоумевая в душе, из-за каких таких вех он раз за разом позволяет себе столь вопиюще терять рассудок пред лицом этого мелкого чиновника.

Пожалуй, все началось еще той бурной ночью, когда его любимый, с величайшей заботой выращенный малый фиолетовый сандаловый светильник без всяких на то причин с оглушительным треском разлетелся в прах на каменном полу. С той самой секунды разум генерала окончательно зашел за разум.

— ...Прошу простить мою дерзость, судья Вэньжэнь. Этот воевода преступил границы дозволенного.

Лэ Уя неторопливо поднялся со стула и уверенным движением расправил помявшиеся полы своего темного халата:

— Уповаю на то, что сие происшествие останется единичной промашкой.

Пэй Минци поспешил растолковать свои действия:

— Судья Вэньжэнь лицом и статью до последней черты походит на одного моего покойного старинного соратника, оттого я и...

Лэ Уя ядовито усмехнулся сквозь зубы:

— Секунду назад ваше превосходительство соизволило именовать сего человека своей законной супругой, а ныне тот в одно мгновение превратился в обычного старого соратника. По всему видать, вкусы генерала Пэй годами остаются на редкость незыблемыми и постоянными.

Пэй Минци оправдываться не стал. Вместо этого он остро, с явным притворством и проверкой в голосе, спросил в упор:

— А ведомо ли тебе... имя Лэ Уя?

Лэ Уя едва заметно кивнул головой:

— Да, доводилось слышать. Вот только генерал Пэй, сравнивая ничтожного слугу с этой особой, чего именно изволит желать для меня, а? Жаждете ли вы, дабы ваш слуга поскорее отдал богу душу, или уповаете, что я пущусь во все тяжкие, сотворю три тысячи кровавых грехов да принесу великую погибель нашему государству?

— Он был вовсе не таков! — Пэй Минци яростно рванулся было в оправдание, однако слова мгновенно застряли у него в горле, а на лице помимо воли проступило выражение глубокого, непреодолимого отвращения. — ...Да что вообще тебе может быть ведомо!

Лэ Уя со всей своей неизменной судейской прямоотой и честностью уставился генералу прямо в глаза, и лишь когда тот в сильном гневе и досаде резко взмахнул широким рукавом халата да поспешно покинул покои, взор уездного начальника мало-помалу обрел прежнюю мягкость.

Из дальних коридоров до его слуха донесся угодливый, заискивающий голос заместителя Сунь Жу:

— Генерал Пэй, неужто вы уже изволите отбывать к своим полкам?

Пэй Минци, верный своему буйному армейскому нраву, зычно рявкнул на весь ямынь:

— Вон с глаз моих!

Впрочем, принимая во внимание, что выплюнув сию фразу, он точь-в-точь как свирепый ураган пульей вылетел во двор, выходило так, будто офицер самолично и со всей расторопностью «убрался» прочь из управы.

Утирая обильный холодный пот со лба, Сунь Жу робко переступил порог задних покоев:

— Судья... Что это с генералом Пэем приключилось?

Лэ Уя лениво обронил:

— Ах, пустяки. Ваш судья просто выставил его за ворота в препаршивом расположении духа.

Ссора с боевым генералом ничуть не мешала ему всю пускать в ход чужое величие ради укрепления собственной власти.

В душе заместителя Сунь Жу в ту же секунду зародился трепет и величайшее почтение к новому начальнику.



Всего минуту назад Пэй Минци, сгорая от яростного гнева, пронесся мимо него: этакий колоссальный детина, волевой вояка, кабы тот сгоряча обрушил на него хотя бы одну свою ладонь, старого лиса без труда швырнуло бы через забор уездной стены.

И пока Сунь Жу в своих мыслях судорожно пересчитывал подлинный политический вес уездного судьи, Лэ Уя резко устремил на него пристальный взор и лучезарно улыбнулся.

Отчего-то по спине Сунь Жу в ту же долю секунды пробежала волна ледящего, пробирающего до самых костей страха.

Лэ Уя веско произнес:

— Судебный заместитель Сунь, вчерашняя наша беседа осталась незавершенной. Самое время нам сесть рядышком да еще разок поговорить по душам.

\*\*\*

Преисполненный ярости и душевного смятения Пэй Минци стремительным шагом покинул пределы ямыня, в два прыжка преодолев заснеженные ступени крыльца.

Его заместитель-воевода, давно привыкший к подобным вспышкам командирского гнева, без лишних слов преподнес ему кавалерийскую плетку.

Пэй Минци с каменным лицом отрывисто скомандовал:

— Ступай в лавку, набери лучших лекарственных мазей от ушибов и ран да незамедлительно отправь конвоем этому чиновнику по фамилии Вэньжэнь.

Помощник от такого приказа едва не лишился дара речи:

— Командир, вы... — «Неужто наш молодой генерал в порыве слепой ярости умудрился саморучно исполосовать клинком уездного начальника?!» — в панике рассудил он.

Однако, досконально осмотрев фигуру Пэй Минци и убедившись, что на его доспехах нет следов чужой крови, а оружие покоится в ножнах, воевода слегка успокоился и робко переспросил:

— Мази от сабельных порезов прикажете взять или обычные снадобья для затягивания плоти?..

Пэй Минци раздраженно оборвал его:

— Бери абсолютно все, что найдешь! Коли продолжишь утомлять меня своими расспросами, я велю тебе на собственные монеты скупить для этого барина всю уездную аптекарскую лавку целиком!

Заместитель спорить больше не посмел и громоподобным, зычным армейским голосом отчеканил:

— Слушаюсь!

Следом он придал лицу самое строгое выражение:

— Молодой генерал, раз уж господа императорские ревизоры покинули эти края, все последующие дела по зачистке Наньтина вы вполне вольны поручить вашему покорному слуге. В лагере полков накопилось немало текущих военных дел...

Пэй Минци безжалостно прервал его речь:

— Я остаюсь здесь, в уезде.

Помощник вновь выдал громоподобный выдох:

— Слушаюсь!

— Приготовь мне чистые свитки и тушь, — Пэй Минци в сильном волнении отмерил несколько кругов подле боевого скакуна. — Разущи точный адрес столичной усадьбы почтенного министра Чана из Ведомства ритуалов. Мне позарез нужно отправить ему подробное личное послание.

Помощник не на шутку испугался и поспешно перешел на едва различимый шепот:

— Молодой генерал, одумайтесь! Почтенный министр Чан уже перешагнул за порог своего шестидесятилетия, старец находится в весьма почтенном возрасте! Вы ведь не планируете в своем письме самым бесстыдным образом осыпать его бранными и суровыми словами, а?!

Пэй Минци замахнулся на него плеткой, силясь проучить наглеца:

— Окажись ты сам на месте министра Чана, я бы тебя по двести раз на дню честил последними словами! Ваш генерал направляет послание исключительно ради того, чтобы досконально выведать подлинную суть вещей!

Помощник поспешно укрылся за крупом боевого коня и, набравшись отваги, все же рискнул

быть битым, тихонько обронив:

— Молодой генерал, ведь речам этих бродячих даосских колдунов из лесных притонов вовек нельзя до конца доверять. Ваш любимый светильник разлетелся в прах, стало быть, примите сие как знак, что душа того человека... окончательно развеялась по ветру и ушла в небытие. Оставьте эти поиски.

Пэй Минци медленно опустил веки, и приметные складки его глубоких двойных век проступили еще отчетливее: верный знак того, что воин погрузился в мучительные думы.

Лишь спустя долгую паузу он едва слышно промолвил:

— Твои речи справедливы.

— Я не стану слать письмо министру Чану. Это дело его персоны никоим образом не касается, ведь те связи в столице были протоптаны исключительно его мятежным сыном, который давно отрекся от мирской суеты. Нечего лишний раз тревожить старца.

Не успел заместитель явить на лице выражение глубокого облегчения, как Пэй Минци яростно стиснул зубы, а в его глазах вспыхнул леденящий огонь:

— ...Уж не вздумал ли этот проклятый Хэлянь Чэнь самым наглым образом обвести меня вокруг пальца, а?! Неужто его собственная ненависть к Уя сильна до такой степени, что он пошел на подлог?!

При этой мысли Пэй Минци резко ткнул пальцем в сторону застывшего как вкопанный помощника:

— Все равно приготовь мне кисть и свитки! Я вернусь в палатку и начертаю подробное послание. Ты зазубришь мои речи до последнего иероглифа, после чего лично отправишься к посланникам коренного племени цзин. Встретишь их, и слово в слово, без малейших изменений изволь выдать им весь мой текст, отходи этих вырождаков последними словами по всей строгости армейской брани!

Выждав секунду, он веско добавил:

— Пользуясь случаем, пока будешь передавать весточку послам, скрытно переправь тайный приказ нашим скрытым лазутчикам, кои круглыми годами несут дозор на сопредельных землях цзин. Вели парням досконально прояснить картину: уж не вздумали ли старейшины племени цзин тайно протоптать дорожки к нашим частным угольным рудникам, дабы мелкими партиями скупать каменный уголь и переправлять топливо через пограничные заслоны, а? По крупницам да по крохам, так ведь можно собрать колоссальные запасы. У этого воеводы закралось сильное опасение, что племя цзин умышленно копит ресурсы, намереваясь в скором

времени вновь развязать крупную войну на наших рубежах.

Заместитель почтительно прижал кулак к груди:

— ...Слушаюсь.

Стоило этим двум приказам прозвучать один за другим, как помощник-воевода окончательно запутался и перестал понимать, кто же их молодой генерал на самом деле — непроходимый глупец или гениальный стратег.

Пэй Минци потянул за кожаные поводья, намереваясь наконец вскочить в седло.

Но тут он вспомнил еще об одной вехе, резко развернулся и в упор спросил:

— Да, кстати. А что такое «брачные карты»?

Помощник, который уже заносил ногу над стремянем, от такого вопроса едва не сорвался со скакуна и не растянулся в сугробе.

Придя в себя после секундного оцепенения, воевода едва не разрыдался от величайшей радости.

Пускай их молодой генерал по-прежнему оставался парнем буйного и взбалмошного нрава, чьи мысли скакали то в поднебесье, то падали к земле, но он наконец-то сподобился задуматься о по-настоящему важных жизненных вещах!

Офицер с жаром запричитал:

— Командир! Из какого же благородного рода девица приглянулась вашему сердцу, а?!

Пэй Минци сурово зыркнул на него:

— Ты что, скорбен умом?

На площади повисла неловкая пауза.

Взор Пэй Минци едва заметно переменился, а в его глазах промелькнула смутная тень:

— ...Что именно означает это выражение «обменяться брачными картами»?

\*\*\*

Второе по счету «разбирательство по душам», которое Лэ Уя учинил своему заместителю Сунь Жу, завершилось тем, что лицо старого лиса приобрело стойкий землисто-зеленый оттенок.

Впрочем, до душевных терзаний Сунь Жу уездному начальнику не было ровным счетом никакого дела.

С чувством глубокого удовлетворения Лэ Уя сладко потянулся всем телом, рассудив, что время близится к полудню и самое время предать себя долгожданному отдыху.

В своей прошлой жизни он практически никогда не имел четкого распорядка для сна: бесконечные утренние аудиенции, государственные дела, светские приемы, а официальный отпуск за целый год составлял от силы пять дней. Из-за такой каторжной службы он давным-давно взрастил в себе привычку мгновенно засыпать в любом тихом уголке, стоило лишь приклонить голову.

Самым долгим и непрерывным периодом его отдыха за все прошлые годы стали те унылые месяцы, когда он безвольно томился в застенках созданной им же самим идеальной темницы, смиренно дожидаясь смертного часа.

А потому, когда он проснулся после долгого полуденного сна и обнаружил, что мир за окнами уже наглухо затопила ночная чернь, а покои озаряет лишь тусклый алый отсвет одинокого светильника под шелковым абажуром, он даже не сразу сумел свыкнуться с подобной негой и покоем.

Из-за легкого похмельного беспамятства образы далекого прошлого и картины нынешнего дня причудливым образом смешались в его растревоженном разуме.

Ему на миг показалось, будто его голова все еще покоится на крепком плече Пэй Минци, а сам он только-только пробуждается после короткой чуткой дремоты в степи. Из чернильного поднебесья на его ресницы вместе с каплями ночной росы опускаются крошечные колючие снежинки, принося с собой упоительную, чистую прохладу.

Бескрайнее дикое поле, низкий горизонт и колоссальный, бурлящий мириадами алмазов звездный поток.

Он лениво шевельнул губами, и во рту помимо воли вновь проступил горьковатый, освежающий шлейф степного стебля.

И в этой чернильной тишине Пэй Минци вдруг без всякого повода тихонько шепнул ему на ухо:

— Одна тысяча восемьсот шестьдесят две.

Лэ Уя тогда со спросонья совершенно не сообразил, к чему клонит друг. Он лишь ошалело уставился на него в упор и упрямо повернул голову на чужом плече, отчего Пэй Минци мгновенно разразился истошным воплем:

— Рука! Рука моя! Начисто затекла, онемела, ураган ее побери!

И лишь теперь, нежась под теплым судейским одеялом, Лэ Уя наконец до конца осознал подлинный смысл тех давешних слов.

Одна тысяча восемьсот шестьдесят две звезды.

Этот упрямый дурак тогда действительно костыми лег, но сосчитал их на небесах до единой крупитцы.

Пока Лэ Уя пребывал в этих зыбких тихих думах, из-за стены до его слуха донесся мерный, осторожный стук в оконную раму, точно такой же, как и вчерашней ночью.

Сощутив глаза, уездный начальник спустил ноги с постели и распахнул створки: за окном расстился чистый, залитый лунным сиянием двор, посреди которого застыл Вэньжэнь Юэ.

Лэ Уя потер заспанные веки:

— Явился-таки?

Вэньжэнь Юэ почтительно отозвался:

— Да.

Лэ Уя без лишних предисловий с ходу выплюнул вопрос:

— В какой именно год, месяц, день и час ты родился? Каковы твои знаки бацзы?

Вэньжэнь Юэ в легком замешательстве приподнял брови, однако утаивать ничего не стал, а выдал ответ без секундного промедления:

— Я рожден в год Синьвэй. День моего появления на свет по чистой случайности совпал с народным праздником Второго лунного месяца, когда Дракон поднимает главу — Лунтайтоу... А из чрева матушки я вышел ровно во вторую четверть часа Ю. А что стряслось, Гу-гэ?

ПП: Год Синьвэй — это 8-й год в традиционном 60-летнем циклическом календаре китайской системы гань-чжи. Час Ю в традиционной китайской системе исчисления времени — это

промежуток времени с 17:00 до 19:00.

Лэ Уя замер как вкопанный, мучительно рассуждая в уме: «И эти цифры тоже разительно расходятся с моими собственными...»

Впрочем, спустя секунду он полностью примирился с этим исходом.

Сам-то он отродясь доподлинно не ведал подлинного часа своего появления на свет, точно зная лишь то, что по возрасту был старше Маленького Феникса примерно на один полный год.

Длинные пряди волос Лэ Уя были небрежно рассыпаны по плечам, и то ли из-за затянувшегося сна, то ли по какой иной мистической причине, кончики его шевелюры ныне завивались роскошными, красивыми волнами. Этот причудливый узор придавал его утонченным судейским чертам лица оттенок мертвенно-белой, пронзительной и броской красоты.

Вэньжэнь Юэ опустил глаза книзу и обнаружил, что наставник стоит на каменных плитах абсолютно босыми ногами. В его душе мгновенно вспыхнула сильная тревога, и он порывисто протянул руку, прижав ладонь к его лбу:

— Гу-гэ, да что с тобой приключилось? Уж не лихорадка ли тебя бьет?

Но Лэ Уя к этой секунде наконец и сам почуял неладное.

Не говоря ни слова, он обеими руками мертвой хваткой обхватил лицо Вэньжэнь Юэ за щеки, принялся яростно крутить, мять и разглядывать его лик со всех сторон, после чего в полном недоумении прошипел:

— ...Да как же так-то? Отчего черты твоего лица до сих пор не изменились, а?!

<http://bllate.org/book/18193/2162310>